

ИЗДАНИЕ

ВЪ СЕРБЕЗОВСКОМЪ

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ЛОТТО.

ТОМЪ I-й. ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ГР. ДЕНИСОВСКИЙ

1866

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

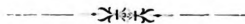
ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БИОГРАФІАХЪ.

В. Лотто.

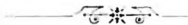

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легли для защиты знамени и долга.

(Изъ приветственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

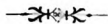

Книга эта рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Внесена въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ 1-й

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ЕРМОЛОВА.

ВЫПУСКЪ II.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Изданіе книжнаго склада В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собств. д., № 14.

1887.

XVII.

Графъ Гудовичъ.

(ПАДЕНІЕ АНАЦЫ).

огда графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, съ 1787 г. носившій только званіе кавказскаго намѣстника и не имѣвшій никакого вліянія на дѣла края, былъ въ 1791 году окончательно отчисленъ отъ Кавказа, на мѣсто его получилъ назначеніе графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Новый намѣстникъ принадлежалъ къ небольшому числу серьезно образованныхъ людей прошлаго столѣтія. Онъ слушалъ университетскія лекціи въ Кенигсбергѣ, Галлѣ и Лейпцигѣ, и потому, на основаніи еще регламентовъ Петра Великаго, былъ принятъ на службу 1-го января 1759 года прямо офицеромъ. Близость къ всемогущему при Елизаветѣ Петровнѣ графу Шувалову, у котораго онъ былъ адъютантомъ, а потомъ протекція въ лицѣ его родного брата, генераль-адъютанта и любимца новаго императора Петра III-го, спо-

собствовали настолько возвышенію Гудовича, что на четвертомъ году службы онъ былъ уже полковникомъ и командиромъ Астраханскаго пѣхотнаго полка. Съ кончиною Петра, Гудовичи лишились своего значенія при дворѣ; но блестящія способности молодого человѣка не могли остаться незамѣченными и въ новое царствованіе.

Походъ въ Польшу въ 1763 году, съ корпусомъ генерала Штофельна, далъ Гудовичу случай оказать весьма серьезную услугу правительству и выказать свои способности. Военное начальство командировало его въ Галицію съ секретнымъ порученіемъ склонить нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ къ выбору на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, и, благодаря поддержкѣ и вліянію такихъ людей, какъ гетманъ Ржевусскій и князь Чарторижскій, Гудовичъ блистательно исполнилъ порученіе.

Спустя четыре года, мы видимъ Гудовича вмѣстѣ съ полкомъ уже въ Турецкой кампаніи, гдѣ каждый шагъ его ознаменовывается блестящею храбростію. Такъ, 11-го іюля 1769 года, подъ Хотинимъ, онъ съ однимъ батальономъ своего полка отбилъ сильную турецкую вылазку изъ крѣпости, а въ августѣ съ тѣмъ же самымъ батальономъ выручилъ русскій авангардъ, разбитый въ Рачевскомъ лѣсу, отнялъ назадъ четыре орудія, взятые турками, и съ своими ничтожными силами нанесъ рѣшительное пораженіе девяти-тысячному турецкому корпусу.

Въ слѣдующую кампанію Гудовичъ съ неменьшимъ отличіемъ участвуетъ въ сраженіяхъ подъ Ларгой, Кагуломъ и на Браиловскомъ приступѣ. Румянцевъ поручилъ ему отдѣльный отрядъ изъ 5-ти батальоновъ пѣхоты, эскадрона Ахтырскихъ гусаръ и четырехъ казачьихъ полковъ, съ которыми онъ долженъ былъ очистить отъ турокъ Валахію. Гудовичъ разбилъ турецкій корпусъ, встрѣтившій его подъ стѣнами Бухареста, взялъ два знамени и четыре орудія и на плечахъ бѣгущаго непріятеля занялъ столицу Валахіи. Особенно отличились въ этомъ сраженіи кавказскій уроженецъ Горичъ и донецъ Проневичъ, которые во время кавалерійской атаки изрубили байрактаровъ (знаменниковъ) и овладѣли

знаменами. За это блистательное дѣло Гудовичъ произведенъ въ генераль-маіоры.

Возстановивъ въ Валахіи законное правительство, Гудовичъ получилъ приказаніе отправиться въ отдѣльный корпусъ генераль-аншефа Олица. Здѣсь, 20-го апрѣля 1771 года, онъ участвовалъ на приступѣ Журжи, командуя среднею штурмовою колонною. Во время самага разгара приступа, когда Олицъ внезапно заболѣлъ, а оба колонные начальники, генералы Де-Молле и Гротенгельмъ, выбыли изъ фронта ранеными, Гудовичъ принялъ начальство надъ корпусомъ и послѣ кровопролитнаго боя взялъ крѣпость, гдѣ 45 орудій и 18 знаменъ достались въ руки побѣдителей. По смерти Олица, Гудовичъ былъ утвержденъ командиромъ отдѣльнаго корпуса и на зиму оставленъ въ Валахіи.

Съ открытіемъ кампаніи 1772 года корпусъ Гудовича поступилъ подъ общее начальство князя Рѣпнина, стоявшаго тогда подъ крѣпостью Турно. Во время этой осады турки внезапно атаковали Журжу, и малодушный комендантъ ея, не дождавшись помощи, сдалъ крѣпость непріятелю. Неожиданное появленіе отряда Гудовича, посланнаго на выручку къ Журжѣ, всполошило турокъ, и комендантъ выслалъ парламентаря объявить Гудовичу, что если войска его начнутъ нападеніе, то русскій гарнизонъ, еще остававшійся въ Журжѣ, вопреки капитуляціи будетъ перерѣзанъ.

— „Поѣзжайте назадъ, отвѣчалъ Гудовичъ парламентарю:— и скажите, что если эти несчастные забыли завѣтъ нашихъ предковъ— „лечь костьми, ибо мертвые срама не имуть“, то они не братья наши, и мы ихъ презираемъ. Турки могутъ дѣлать съ ними все, что угодно“.

Однакоже атаковать крѣпость, въ которую засѣло двѣнадцать тысячъ турокъ, Гудовичъ не рѣшился. Только въ іюлѣ мѣсяцѣ русскія войска, подъ общею командою генерала Эссена, вторично подступили къ Журжѣ, штурмовали ее вопреки совѣтамъ Гудовича, но были отбиты съ огромною потерею: около двухъ тысячъ русскихъ солдатъ пало на валахъ укрѣпленій и 7 пушекъ сдѣ-

лались добычею неприятеля. Самъ Гудовичъ былъ раненъ пулею въ правую ногу. Онъ не хотѣлъ однакоже оставить армію и участвовалъ въ кровопролитномъ сраженіи 20 октября на р. Дембовицѣ, послѣдствіемъ котораго было пораженіе арміи сераскира и сдача Журжи, стоившей русскимъ въ этомъ году такъ много крови.

Этимъ закончились дѣйствія Гудовича въ первую турецкую войну. Начавъ походъ молодымъ полковникомъ, онъ окончилъ его генераль-майоромъ съ анненской лентой и Георгіемъ па шеѣ. Имя его приобрѣло популярность въ арміи; и если его горячій, суровый и недоступный характеръ не всегда нравился подчиненнымъ, то никто изъ нихъ не могъ отказать ему въ уваженіи. 15 лѣтъ мирнаго времени Гудовичъ провелъ въ званіи начальника дивизіи, а потомъ генераль-губернатора и намѣстника Рязанской и Тамбовской губерній. Въ это время онъ былъ произведенъ въ генераль-поручики и награжденъ орденами св. Александра Невскаго и Владиміра 1-го класса.

Вторая турецкая война снова вызвала Гудовича на ратное поле. Командуя отдѣльнымъ отрядомъ, онъ взялъ укрѣпленное мѣсто Гаджибей (нынѣшнюю Одессу), затѣмъ принудилъ къ сдачѣ крѣпость Килію и подступилъ къ Измаилу. Но Измаилъ былъ не Килія и не Гаджибей. Грозныя стѣны его защищались сорокатысячнымъ гарнизономъ подъ начальствомъ мужественнаго сераскира, рѣшившагося умереть, а не сдаться. 20 ноября Гудовичъ донесъ Потемкину, что овладѣть Измаиломъ въ настоящемъ году невозможно. Потемкинъ отвѣчалъ присылкою Суворова, — неприступная крѣпость была взята штурмомъ. Гудовичъ уже не участвовалъ на этомъ приступѣ; онъ былъ отозванъ въ главную квартиру, гдѣ нѣкоторое время состоялъ безъ должности. Между тѣмъ императрица пожаловала ему за взятіе Киліи чинъ генераль-аншефа, а вслѣдъ за симъ, 12 ноября 1790 года, назначила его кавказскимъ намѣстникомъ.

Гудовичъ прибылъ въ резиденцію намѣстничества, въ городъ Георгіевскъ, 26 января 1791 года, а снуется нѣсколько мѣсяцевъ, онъ уже блестяще вписалъ свое имя въ лѣтописи кавказскихъ

войнѣ покореніемъ Анапы—этого крѣпкаго разбойничьяго гнѣзда, выславшаго на русскіе предѣлы цѣлыя орды хищныхъ горцевъ и уже два раза заставившаго русскія войска испытать неудачу.

Нашествіе Баталь-паши было въ свѣжей памяти кавказскихъ войскъ и убѣждало Гудовича въ необходимости скорѣйшаго разрушенія этого разбойничьяго притона. И скоро онъ, во главѣ 15 батальоновъ пѣхоты, 3000 егерей, 54-хъ эскадроновъ кавалеріи и 2-хъ казачьихъ полковъ съ 50-ю орудіями, былъ подъ стѣнами Анапы.

Участь крѣпости была рѣшена 22 іюня 1791 года. Рекогносцировки убѣдили намѣстника, что крѣпость съ сухого пути превосходно защищена семью бастіонными фронтами, соединенными между собою курттинами; что широкій ровъ, опоясывая ее полукругомъ и упираясь своими концами въ обрывистый берегъ Чернаго моря, достигаетъ нѣсколькихъ сажень глубины, выложенъ камнемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже просто высѣченъ въ каменистомъ грунтѣ. Гудовичу извѣстно было также, что Анапу защищаетъ 15-тысячный отборный турецкій корпусъ, и что въ городѣ находится извѣстный агитаторъ Шейхъ-Мансуръ, присутствіе котораго, по его вліянію на умы мусульманъ, могло замѣнить собою не одну тысячу войска.

Ночью 16 іюня Гудовичъ обложилъ Анапу, а на слѣдующій день съ утра батареи открыли по ней огонь. Гудовичъ торопился приступомъ, сознавая, что положеніе его корпуса можетъ сдѣлаться отчаяннымъ. Передъ нимъ были грозныя твердыни, уже выдавшія передъ собою русскія силы. За нимъ собирались отчаянныя полчища горцевъ, готовыя отрѣзать отступленіе, или броситься въ тылъ русскимъ, чтобы поставить ихъ между двумя огнями. Къ тому же имѣлись свѣдѣнія, что турецкій флотъ спѣшитъ на помощь Анапѣ и что онъ уже только въ двухъ или трехъ переходахъ отъ нея.

День 21 іюня прошелъ въ приготовленіяхъ къ штурму. Войска раздѣлились на четыре колонны, изъ которыхъ одна, подъ командой генерала Загряжскаго, расположившись тыломъ къ Анапѣ,

приготовилась отражать нападеніе горцевъ, а остальные, подъ начальствомъ генераловъ Булгакова, Депрерадовича и барона Фонъ-Шницца, назначались на приступъ. Гудовичъ ѣздилъ по войскамъ и одушевлялъ солдатъ разказами о грозномъ Измаильскомъ штурмѣ; и солдаты, соревнуя на этой глухой окраинѣ отечества славы своихъ далекихъ сослуживцевъ, кипѣли желаніемъ боя и общались другъ другу или взять Анапу, или умереть подъ ея стѣнами. Въ ихъ положеніи, впрочемъ, другого выхода и не было.

Въ глухую полночь, съ 21 на 22 число іюня, со всѣхъ русскихихъ батарей началась жестокая канонада. Турки отвѣчали не менѣе сильнымъ огнемъ. И русскія колонны, при громѣ пушекъ и шумѣ морского прибоя, двинулись къ Анапѣ.

Первыя двѣ колонны, спустившись въ ровъ и приставивъ лѣстницы, быстро, „по измаильски“, взобрались на стѣны и, несмотря на стойкое сопротивленіе турокъ, проникли въ крѣпость. Третья колонна, генерала Шницца, попала подъ сильный перекрестный огонь и была отброшена назадъ съ огромнымъ урономъ. Но устроившись, она повторила атаку и послѣ жестокаго боя утвердилась на правомъ бастіонѣ. Одушевленіе русскихъ войскъ было такъ велико, что многіе начальники, напр. полковники: Чемодановъ, Мухановъ, Келлеръ, Веревкинъ, Самаринъ, графъ Апраксинъ и подполковникъ Нелпдовъ, будучи ранены, и иные по нѣсколько разъ—не оставляли строя. Гудовичъ обратилъ особенное вниманіе на артиллерійскаго маіора Меркеля, стараго георгіевскаго кавалера, которому ядро раздробило руку и который, несмотря на это, до конца распоряжался дѣйствіямъ своихъ батарей.

Между тѣмъ турки сопротивлялись такъ упорно, что къ шести часамъ утра почти весь главный русскій резервъ уже былъ израсходованъ, и Гудовичъ ввелъ въ дѣло остальную конницу, состоявшую изъ четырехъ полковъ, подъ начальствомъ бригадира Поликарпова. То были полки: Тираспольскій конно-егерскій и драгунскіе: Владимірскій, Астраханскій и Нижегородскій. Они пронеслись въ карьеръ подъ смертоносною тучею картечи и, спѣшившись въ воротахъ крѣпости, оттѣснили турокъ отъ окраинъ

города. Поднимавшееся солнце застало еще кровавое побоище въ домахъ и на улицахъ Анапы.

Между тѣмъ восемь тысячъ черкесовъ спустился съ горъ и всею массою обрушился на горсть линейныхъ казаковъ, стоявшихъ впереди отряда Загряжскаго. Но „отмѣнно храбрые гребенскіе и терскіе казаки“, какъ говоритъ Гудовичъ въ своемъ донесеніи, „не подались ни шагу назадъ“. Къ нимъ скоро подоспѣлъ на помощь подполковникъ Львовъ съ Таганрогскимъ драгунскимъ полкомъ и врѣзался во флангъ черкесской конницы. Въ то же время казаки, предводимые Загряжскимъ и полковникомъ Спѣшневымъ, пошли въ атаку съ фронта, и непріятель, охваченный съ обѣихъ сторонъ, побѣжалъ. Оправившись, горцы возобновили нападеніе; но несмотря на всѣ успія, они не могли уже прорваться, чтобы ударить въ тылъ штурмующимъ колоннамъ.

Анапа была взята. Первые минуты, послѣдовавшія за занятіемъ крѣпости, были ужасны. Побѣдители, раздраженные долею сопротивленіемъ и понесенными потерями, думали только о мщеніи. Болѣе восьми тысячъ турокъ были перерѣзаны въ самой Анапѣ, столько же погибли и потоплены въ морѣ и изъ всего анапскаго гарнизона спаслось на лодкахъ едва ли болѣе полутораста человекъ. Плѣнныхъ взято было не много, но за то въ ихъ числѣ находился: комендантъ Анапской крѣпости, его помощникъ—сынъ знаменитаго Баталь-паши, въ то время жившаго плѣнникомъ въ Россіи, и наконецъ Шейхъ-Мансуръ.

Разграбленный городъ доставилъ солдатамъ богатую добычу. 83 пушки, 12 мортиръ, 130 знаменъ и нѣсколько бунчуковъ составили трофей этой славной побѣды. Русскіе потеряли на этомъ штурмѣ 93 офицера и до четырехъ тысячъ нижнихъ чиновъ, слѣдовательно половину отряда.

Кровопрлитный анапскій приступъ, совершенный годомъ позже измаильскаго, хотя и не получилъ такой же громкой и всеобщей извѣстности, но по справедливости стоить Гудовичу едва ли не большихъ успій, чѣмъ измаильскій Суворову. Довольно сказать, что Измаиль былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ русскими

войсками, тогда какъ Гудовичъ могъ обложить Анапу только съ сухого пути, а съ моря она имѣла возможность всегда получить подкрѣпленіе; Суворовъ зналъ одного непріятеля, бывшаго впереди его, въ стѣнахъ крѣпости, — Гудовичъ поставленъ былъ между двумя огнями и бился лицомъ въ двѣ разныя стороны; при неудачѣ Суворовъ могъ всегда отступить, — Гудовичъ былъ окруженъ, и въ случаѣ отступленія неминуемо погибъ бы со всѣмъ своимъ отрядомъ.

Едва Анапа пала, какъ показался сильный непріятельскій флотъ и сталъ на якорѣ, верстахъ въ 15 отъ берега. Было уже довольно темно, и турки, еще не зная, что судьба Анапы уже рѣшена, отправили въ гавань три кирлангича, которые вмѣстѣ съ экипажами и были захвачены русскими. На флотѣ объ этомъ ничего не знали; но на слѣдующій день, увидѣвъ множество плывущихъ тѣлъ, которыхъ волны прибивали къ самымъ кораблямъ, турки поняли въ чемъ дѣло и, поднявъ паруса, поспѣшно удалились. Въ то же самое время получено было извѣстіе, что турки оставили Суджукъ-кале, и Гудовичъ занялъ его безъ боя. Обѣ крѣпости были срыты, батареи ихъ взорваны, рвы и колодцы засыпаны, пороховые погреба и палисады уничтожены и самые дома жителей истреблены огнемъ до основанія. Такимъ образомъ одинъ день промедленія, — и Гудовичъ въ виду прибытія флота долженъ бы былъ отказаться отъ приступа и отступить безъ успѣха, такъ какъ штурмовать Анапу подъ огнемъ многочисленной морской артиллеріи конечно не представлялось бы возможнымъ.

Императрица достойно оцѣнила блистательный подвигъ, пожаловавъ Гудовичу орденъ св. Георгія 2-го класса и золотую, украшенную лаврами и брилліантами, шпагу, а нѣсколько позже, въ день заключенія мира, и орденъ св. Андрея Первозваннаго. Генералы: Загряжскій, Булгаковъ, Шицъ и бригадиръ Поликарповъ получили ордена св. Георгія 3 класса, а полковники: Самаринъ, Апраксинъ, Веревкинъ и капитаны: Пищевичъ и Бачуринъ — тотъ же орденъ 4 степени. Бачуринъ, офицеръ 4-го баталіона кавказскаго егерскаго корпуса, обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что, уже раненый, первымъ вскочилъ на батарею и,

видя невозможность удержать ее, собственноручно заклепалъ нѣсколько пушекъ, а остальные съ помощью людей опрокинулъ вверхъ лафетами, или сбросилъ съ барбетовъ.

Покончивъ съ Анапой и возвратившись въ Георгіевскъ Гудовичъ дѣятельно занялся устройствомъ русской пограничной линіи. Онъ началъ съ того, что обуздалъ кабардинцевъ, введя у нихъ „родовые суды“ и преслѣдованіе за такія преступленія, которыя до сихъ поръ подлежали только духовному суду шаріата, а въ народѣ считались даже доблестями. Сюда принадлежали взаимные набѣги, кровомщеніе и даже куначество, обяывавшее защищать въ своемъ домѣ каждаго, не исключая убійцы.

Новая юрисдикція, не совсѣмъ понятная для горцевъ, вторгавшаяся въ область ихъ вѣковыхъ народныхъ обычаевъ, вызвала среди кабардинцевъ общее неудовольствіе. Но прежде чѣмъ вспыхнуло подготовлявшееся возстаніе, Гудовичъ ввелъ въ Кабарду войска, арестовалъ зачинщиковъ и выслалъ въ Россію двухъ наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ, владѣльцевъ Атажукниныхъ. Это были братья Адель и Измаиль Гиреп, изъ которыхъ послѣдній былъ тогда подполковникъ и имѣлъ Георгіевскій крестъ.

Для лучшаго прикрытія русскихъ границъ Гудовичъ проектировалъ устройство новой линіи отъ верховьевъ Кумы по сухой границѣ и по Кубани до устьевъ Лабы. На этомъ пространствѣ онъ думалъ расположить рядъ укрѣпленныхъ казачьихъ станицъ, по примѣру того, какъ это сдѣлано было на Терекѣ. Къ сожалѣнію, мысль его обратить въ поселенныхъ казаковъ тѣ донскіе полки, которые служили тогда на Кавказѣ, вызвала среди нихъ открытый бунтъ, и казаки, оставивъ своихъ старшинъ, но забравъ знамена, ушли на Донъ и тамъ произвели всеобщее смятеніе.

Одинъ изъ современниковъ этихъ событій, новочеркасскій священникъ Рубашкинъ, оставившій свой дневникъ, рассказываетъ въ немъ, что въ Новочеркасскъ прибыло болѣе тысячи казаковъ изъ полковъ Поздѣева, Луковкина и Кашкина. 31 мая 1792 г. до 300 человекъ ворвался въ залу къ атаману Пловайскому, требуя, чтобы имъ показали именной указъ, „за что“ Гудовичъ принуждалъ ихъ поселиться на Кавказской линіи. Казаки требо-

вали войсковаго круга, и Иловайскій уступилъ. Но едва окончилось въ кругу чтеніе нѣкоторыхъ бумагъ и писемъ Гудовича о поселеніи на Кубани 12 новыхъ станицъ, какъ казаки крикнули: „отымай дѣла!“ „И тутъ“—прибавляетъ повѣствователь—„была штурма“.

Правительство вынуждено было послать регулярныя войска для водворенія спокойствія; но, несмотря на то, только черезъ три года удалось отправить на Кавказъ тысячу донскихъ семей, изъ которыхъ Гудовичъ образовалъ новый Кубанскій линейный казачій полкъ, поселенный на проектированныхъ имъ мѣстахъ по Кубани въ шести станицахъ: Усть-Лабинской, Кавказской, Григоріополинской, Прочноокопской, Темнолѣсской и Воронкопской. При двухъ изъ этихъ станицъ, Усть-Лабинской и Кавказской, возведены сильныя крѣпости, первая—на 2 батальона и 76 орудій, а вторая на 1 батальонъ и 27 орудій.

Въ области внѣшнихъ сношеній дѣятельность Гудовича была направлена на то, чтобы заставить Персію исполнять договоры и не стѣснять русскую торговлю. Но дѣла скоро на персидской границѣ приняли весьма неблагопріятный для насъ оборотъ. Одинъ изъ братьевъ гиланскаго владѣльца, Муртаза-Кулиханъ, спасаясь отъ его преслѣдованій, нашелъ себѣ убѣжище въ русскомъ селеніи, основанномъ при Эзелинскомъ портѣ съ торговыми цѣлями лѣтъ за 10 передъ этимъ во времена экспедиціи графа Войновича. Напрасно жители Гиланской провинціи требовали выдачи принца. Имъ отвѣчали отказомъ и даже успѣли отправить его на купеческой шкунѣ въ Баку. Но едва судно вышло на рейдъ, какъ значительныя силы гиланцевъ напали на селеніе. 50 русскихъ солдатъ, подъ командою поручика Евдокимова, поддержанные пушечнымъ огнемъ съ купеческихъ и военныхъ ботовъ, геройски однако отразили нападеніе.

Тогда гиланцы приступили къ правильной блокадѣ селенія. Семь дней держалась команда въ осадѣ, но на восьмой, когда не стало провіанта и пороха, набрала съ собою жителей и, сѣвъ на суда, отплыла на островъ Сару.

Такъ кончила свое существованіе послѣдняя русская торговая колонія на берегахъ Астрабада.

Слѣдовавшіе за тѣмъ вѣроломныя поступки персидскаго шаха, нашествіе его на Грузію, взятіе Тифлиса и варварское избіеніе жителей еще болѣе осложнили дѣло, и война стала неизбежною. Получивъ приказаніе немедленно начать военныя дѣйствія съ тѣми средствами, которыя находились у него подъ рукою, Гудовичъ успѣшилъ привести Каспійскую флотилію „въ почтительное“ какъ онъ выражается, „состояніе“ и тотчасъ же отправилъ два отряда: одинъ, подъ командою полковника Сырахнева, въ Тифлисъ, на помощь грузинскому царю Ираклію, другой, генераль-маіора Савельева, — въ Дербентъ для овладѣнія городомъ, который справедливо считался воротами Персіи. Но въ то самое время, когда онъ рассчитывалъ пожать новыя лавры, императрица назначила главнокомандующимъ всѣхъ дѣйствующихъ противъ Персіи войскъ графа Валеріана Александровича Зубова; Гудовичъ же долженъ былъ оставаться на линіи и содѣйствовать успѣху похода только своевременною отправкою къ войскамъ провіанта, снарядовъ и подкрѣпленій. Обиженный Гудовичъ, ссылаясь на крайнее разстройство здоровья, просилъ увольненія отъ должности. Императрица изъявила согласіе, но въ знакъ особаго благоволенія пожаловала ему 1800 душъ крестьянъ въ Подольской губерніи и сохранила при немъ все содержаніе, штабъ и канцелярію по званію генераль-аншефа. Начальникомъ же Кавказской линіи назначенъ былъ генераль-лейтенантъ Исленьевъ.

Но отставка Гудовича была недолговременна. Не успѣлъ онъ доѣхать до Воронежской губерніи, какъ встрѣтилъ курьера, который привезъ ему манифестъ о вступленіи на престолъ императора Павла и Высочайшее повелѣніе немедленно возвратиться на Кавказскую линію, принять подъ свое начальство всю армію графа Зубова и, прекративъ войну, заключить съ Персіей миръ. Война эта была совершенно противна видамъ новаго Государя.

Императоръ Павелъ, благоволившій ко всѣмъ, кто вѣкогда стоялъ близко къ его покойному отцу, въ день своей коронаціи возвелъ Гудовича въ графское достоинство и пожаловалъ ему три тысячи душъ крестьянъ. Въ слѣдующемъ году Гудовичъ назначенъ былъ военнымъ генераль-губернаторомъ сперва въ Кіевъ, по-

томъ въ Каменецъ-Подольскъ и, наконецъ, главнокомандующимъ арміей, готовившейся тогда къ походу на Рейнъ. Походъ этотъ, какъ извѣстно, не состоялся, а вскорѣ графъ Гудовичъ навлекъ на себя немилость Государя, былъ отставленъ отъ службы и прожилъ въ своемъ имѣніи безвыѣздно до 1806 года, когда императоръ Александръ снова призвалъ на службу маститаго генерала.

